

The Best of Sci-Fi Classics

Ray Bradbury
The Martian Chronicles

Марсианские
хроники

РЭЙ
Брэдбери

Москва
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

The Martian Chronicles

Copyright © 1945, 1946, 1948, 1949, 1950 copyright renewed
1972, 1974, 1975, 1976, 1977 by Ray Bradbury.

All rights reserved, including the right to reproduce this book
or portions thereof in any form whatsoever.

Брэдбери, Рэй.

Б89 Марсианские хроники / Рэй Брэдбери ;
[пер. с англ. Л. Л. Жданова]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2017. — 320 с. — (The Best of
Sci-Fi Classics).

ISBN 978-5-699-95661-6

Марс, Красная планета, издавна притягивает взоры землян... И вот наконец серебристый корабль взмывает ввысь и опускается на ржавый песок Марса... Что ждет там детей Земли? Кто выйдет к ним навстречу? И каким станет их первый контакт?

Один из лучших гуманитарных романов Гранд-мастера Научной Фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Л. Жданов, перевод на русский язык, 2017
© А. Рух, вступительная статья, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
000 «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95661-6

СНЫ О МАРСЕ

На первый взгляд, история Рэймонда Дугласа Брэдбери вполне типична для его поколения, давшего миру целую плеяду замечательных писателей-фантастов: рано проснувшийся интерес к космосу; первые литературные опыты; рассказы, печатавшиеся в бульварных журнальчиках, куда больше заинтересованных в тематике публикуемых опусов, нежели в их литературном качестве... Наконец, долгожданное признание, сделавшее его одним из столпов «Золотого века научной фантастики».

И в то же время среди своих коллег и друзей Рэй Брэдбери стоит чуть наособицу, выделяясь из общей картины. Он не идеолог и вождь, как Хайнлайн, не футуролог, как Кларк, не мифотворец, как Желязны. Даже научным фантастом Брэдбери назвать тяжело, несмотря на то, что действие многих его произведений происходит в космосе. Брэдбери вообще плохо типологизируется — может быть, потому, что его творческая генеалогия во многом отличается от коллег по цеху. Кажется, и револю-

ция Хьюго Гернсбека с ее требованием скрупулезно следовать правде науки, и революция Гарри Бейтса и Джона Кэмпбелла, усилившая в фантастике сугубо беллетристический, развлекательный элемент, его не коснулись. Он навсегда остался во временах своего детства, когда само слово «фантастика» было синонимом слова «чудо» — а чудо не нуждается ни в каких рациональных объяснениях. Собственно, продолжателем именно этой «чудесной» традиции Брэдбери и является. Неспроста самым первым литературным опытом совсем юного Рэймонда стало продолжение (сейчас бы сказали — «фанфик») «Барсумского» цикла Эдгара Берроуза, а настоящим дебютом — сборник «Темный карнавал», во многом подражающий рассказам другого Эдгара — По.

Бесспорно, По и Берроуз — авторы весьма разные, в том числе и по уровню литературного дарования. Нужно иметь неискушённую и распахнутую душу подростка, чтобы рассмотреть то, что их объединяет: искренняя, безоглядная вера в то, что мир куда чудеснее и удивительнее, чем его описывают учебники. Именно с Берроуза началась любовь Брэдбери к Марсу: не к холодной и безжизненной планете, затерянной далеко в космосе, а к волшебной стране «Не здесь», где возможны самые невероятные события.

Нельзя не упомянуть и ещё один источник вдохновения для начинающего литератора: это сама история Америки, история великого пути на Запад, от одного океанского побережья к другому, история простых и отважных поселенцев, сделавших Америку тем, чем она стала. Романтика фрон-

тира, освоения непознанного, бесконечное стремление вперёд, когда каждый новый шаг вёл туда, куда ранее не ступала нога белого человека. Литературно это в первую очередь рассказы Джона Стейнбека, Шервуда Андерсона и, пожалуй, Уильяма Фолкнера.

Наконец, как и у большинства авторов того поколения, значительное место в творчестве Брэдбери занимает страх перед новой, невиданной ранее войной, этот неизбывный кошмар человечества, вступившего в ядерную эру.

Вот из этой причудливой смеси мрачного сюрреализма, дешёвой фантастики, духа первопроходцев и предапокалиптических ожиданий и появились на свет «Марсианские хроники».

Вернее сказать, появился брэдберианский Марс — ни на что не похожий и завораживающий — ведь до рождения «Хроник» как единого целого оставалось ещё несколько лет. Сперва в конце 40-х годов в периодике появились отдельные рассказы: «Мёртвый сезон», «Долгие годы», «Марсианин», «Безмолвные города» и другие.

Однако рассказы не могли принести вчерашнему дебютанту ни славы, ни денег: в чести были романы, желательно — многотомные сериалы, надолго захватывающие внимание публики. Сам же Брэдбери неоднократно признавался, что является автором «короткой дистанции» — таким спринтером от литературы, как он сам однажды назвал себя. Издательская конъюнктура грозила Рэймонду навсегда остаться автором жёлтых журнальчиков с их мизерными гонорарами и сомнительной репутацией: о собственной книге оставалось толь-

ко мечтать как о чём-то совершенно несбыточном. Отказы следовали один за другим.

Однако — как это время от времени случается в истории литературы — чудо произошло. Уолтер Брэдбери — «не дядюшка, не двоюродный брат, но издатель и друг», как охарактеризует его автор семь лет спустя в посвящении к «Вину из одуванчиков», — предложил своему однофамильцу выход, столь же простой, сколь и беспроектный: объединить разрозненные «марсианские» рассказы в роман, нанизав на некую общую сюжетную канву. Так родилась идея хроники покорения человеком Красной планеты, нового Фронта, открывающего землянам неизведанные просторы.

Несколько месяцев кряду Рэй Брэдбери работает не покладая рук. Имеющегося материала никак не хватает на роман, да и никакого подобия единого сюжета пока не просматривается — только концепция, в общих чертах одобренная издателем. В получившейся последовательности масса белых пятен, их-то и приходится заполнять, сочиняя одну за другой всё новые и новые истории о Марсе. В итоге одиннадцать из двадцати восьми глав «Марсианских хроник» были написаны специально для того, чтобы изначальные семнадцать могли выйти в виде отдельного тома! Впрочем, если учесть, что во время этого писательского марафона Брэдбери создал «Саранчу», «Музыкантов», «Дорожные товары», без которых «Хроники» сейчас невозможно и представить, придётся признать, что порою издательские требования к формату приводят к появлению на свет настоящих шедевров. С другой стороны, в итоговый корпус «Хро-

ник» не вошёл ряд «марсианских» рассказов — например, такие бесспорные шедевры, как «Были они смуглыми и золотоглазыми» или «Разговор оплачен заранее» — ставших своего рода апокрифами, иной вероятностной линией, отделившейся от магистральной сюжетной линии, протянувшейся от января 1999 года («Ракетное лето») до октября 2026-го («Каникулы на Марсе»).

Кстати, нельзя не отметить, что и те рассказы, которые в конечном итоге вошли в «канон» «Марсианских хроник», содержат немалое количество внутренних противоречий и нестыковок. Что ж, вполне предсказуемо для такого синкретичного текста. Чудо состоит в том, что такие нестыковки, вместо того, чтобы вызвать у читателя чувство недоумения и даже раздражения, лишь придают «Хроникам» дополнительное очарование. Вместо грубой, раз и навсегда оформившейся вещественности Марс Брэдбери — зыбкая, переливающаяся фата-моргана, изменчивость которой сродни сновидению.

С одной стороны, перед нами «типичная» история высокоразвитой цивилизации, стремящейся оградить себя от чужаков-землян: одна за другой на Марсе гибнут экспедиции. Первую погубила ревность одного из марсиан («Илла»); вторую истребил марсианский психиатр, стремящийся таким образом излечить их от душевной болезни («Земляне»); следующую марсиане извели, воспользовавшись воспоминаниями астронавтов о давно умерших близких («Третья экспедиция»). Надо отметить, что во всех трёх случаях речь очевидно идёт о совсем разных, хотя и одинаково не-

дружелюбных цивилизациях Марса, объединяемых разве что фенотипом населяющей их расы и некоторыми общими культурными особенностями. Четвёртая экспедиция («И по-прежнему лучами серебрит простор Луна...») застала планету уже безжизненной: всё население оказалось истреблено занесённым с Земли вирусом. Не слишком оригинальный аж со времён Уэллса приём, тем не менее избавивший автора от необходимости ввязывать людей в межпланетный конфликт, разом очистив от аборигенов всю планету. Поневоле вспоминается история о ряде индейских племён, вымерших из-за принесённой европейцами оспы. Как бы то ни было, на безжизненный Марс хлынул поток земных колонистов.

И тут начинается вторая, весьма слабо связанная с первой тема — тема освоения иного мира, того самого «нового Фронтiera». Как уже было сказано выше, при написании «Марсианских хроник» автор черпал вдохновение не столько в будущем человечества, сколько в его прошлом. Чего стоит хотя бы груз леса и стекла (!), который первопоселенцы привезли с собой, чтобы построить привычные, типично американские городки, с их лавочками и салунами, будто сошедшими с иллюстраций об освоении Дикого Запада. А древние и прекрасные города, оставшиеся от прежней цивилизации, стоят заброшенными: не имея никакой практической пользы, они обречены на забвение, превратившись всего лишь в часть окружающего пейзажа.

Таким образом, автор отдаёт должное и будущему, и прошлому. Теперь вступает третья тема —

тема современности, тех злободневных проблем, которые во весь рост встали перед чеовечеством на рубеже 40—50-х годов. Времени постоянного ожидания ядерного Апокалипсиса. Той последней войны, которая в реальности «Марсианских хроник» началась в ноябре 2005 года. Автор занимает подчёркнуто отстранённую позицию, показывая катаклизм с позиции далёких, но небезразличных обитателей Марса.

Круг замыкается. После начала войны вчерашние переселенцы, только-только прижившиеся на новой родине, покидают её ради родины старой. Ведь земные беды так и не стали для них чужими. Марс вновь пустынен и безлюден.

И лишь в самом финале появляется надежда на то, что человек, преодолев все трудности и испытания, вернётся на вечно манящую его планету («Каникулы на Марсе»). Вернётся обновлённым и, наконец, достойным иного, лучшего мира. И что новая попытка освоения Марса будет удачнее предыдущей.

Отдельно хочется отметить стоящий чуть особняком рассказ «Эшер II». Это своего рода оммаж Эдгару Алану По, весь пронизанный отсылками к его произведениям — и в то же время мостик, соединяющий реальность «Марсианских хроник» с реальностью написанного три года спустя романа «451 градус по Фаренгейту», принесшего Брэдбери уже мировую славу.

Год спустя, готовя к печати «Человека в картинках», Брэдбери также пытается объединить их в подобие романа, связав самые разные свои расска-

зы общей темой «разрисованного человека». Однако популярность автора «Марсианских хроник» была так высока, что никакие «форматные» требования уже не могли помешать судьбе книги. Не будет преувеличением сказать, что именно успех «Марсианских хроник» во многом способствовал тому, что фантастические сборники и романы «уравнялись в правах».

Затем была долгая успешная литературная карьера, статус классика не только фантастики, но и современной американской литературы вообще. После его смерти в 2012 году «Нью-Йорк таймс» назвала Брэдбери человеком, «сделавшим фантастику мейнстримом». Именно Брэдбери доказал, что фантастика — далеко не только непритязательное чтение для подростков, но серьёзная литература, ставящая действительно важные вопросы — и дающая на них нетривиальные ответы.

И всё-таки, даже на закате своей долгой и весьма успешной литературной карьеры, продолжавшейся более шестидесяти лет, Рэй Дуглас Брэдбери продолжал называть своей лучшей книгой «Марсианские хроники».

Пожалуй, я не стану с ним спорить.

Аркадий Рух

**МАРСИАНСКИЕ
ХРОНИКИ**

*Моей жене Маргарет
с искренней любовью*

«Великое дело — способность удивляться, — сказал философ. — Космические полеты снова сделали всех нас детьми».

Январь 1999

Ракетное лето

Только что была огайская зима: двери заперты, окна закрыты, стекла незрячие от изморози, все крыши оторочены сосульками, дети мчатся с горок на лыжах, женщины в шубах черными медведицами бредут по гололедным улицам.

И вдруг могучая волна тепла прокатилась по городку, вал горячего воздуха захлестнул его, будто нечаянно оставили открытой дверь пекарни. Зной омывал дома, кусты, детей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Дети скинули свитера. Мамаши сбросили медвежье обличье. Снег испарился, и на газонах показалась прошлогодняя жухлая трава.

Ракетное лето. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом — два слова: *Ракетное лето.* Жаркий, как дыхание пустыни, воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал хрупкие кружева. Лыжи и санки вдруг стали не нужны. Снег, падавший на городок с холодного неба,